Юр. Бѣляевъ

„Открытки съ войны“

Первая серія

ПЕТРОГРАДЪ
БИБЛІОТЕКА «ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ»
ИЗДАНІЕ Б. А. СУВОРИНА
1915

Юр. Бѣляевъ

„ОТКРЫТКИ СЪ ВОЙНЫ"

ПЕРВАЯ СЕРІЯ

ПЕТРОГРАДЪ
БИБЛІОТЕКА «ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ»
ИЗДАНІЕ Б. А. СУВОРИНА
1915

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Эртелевъ, 13.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О, какое это огромное и зовущее и страшное слово—война!

Она еще гдѣ-то тамъ, далеко, но кровавыя зарницы ея блистаютъ и манящe зовутъ въ невѣдомое... Въ самой природѣ происходитъ что-то, какая-то заповѣданная перемѣна, какое-то таинственное предугадываніе: солнце затмевается, несутся грозные циклоны, открываются новыя и новыя звѣзды...

Землю словно лихорадитъ, и она то горитъ лѣсами и торфяниками, то давитъ ранними заморозками. Прочтите у нашихъ лѣтописцевъ про эти мистическія наблюденія природы, и вы повѣрите, что земля «слушаетъ войну...».

* * *

Ѣду.

Въ переполненномъ поѣздѣ настроеніе такое бодрое, такое хорошее, будто всѣ собрались на именины. Вѣжливость и предупредительность замѣчательны. Куда дѣвались прежнія распри за мѣсто, толкотня, руготня, протоколы? Ихъ нѣтъ. Мирятся съ краешкомъ мѣста, съ отсутствіемъ воды, со скуднымъ освѣщеніемъ. Не спятъ, маются по пересадкамъ, угощаются другъ у

друга, чѣмъ Богъ послалъ. И все это люди изнѣженные, балованные, привередливые. Ничего. Они скоро будутъ тамъ, «на мѣстѣ», въ дѣлѣ, и мысль эта до того увлекаетъ всѣхъ, что бѣгутъ прочь всякіе капризы. Нѣтъ, положительно война исправляетъ нравы, дѣлаетъ людей и мягче, и тверже, и добрѣе, и сильнѣе...

Мы, обыватели, отучились отъ войны, знаемъ о ней только по наслышкѣ, да и то нерѣдко сомнѣваемся въ побѣдахъ, въ утеряхъ, въ героизмѣ и въ варварствѣ... Съ Отечественной войны у насъ не было войны своей, домашней, народной, а были всѣ какія-то нездѣшнія, далекія, экзотическія войны. Была кавказская война, венгерскій походъ, севастопольская кампанія

(это было вѣдь тоже гдѣ-то на отшибѣ, а не въ сердцѣ страны), турецкая война, хивинскій походъ, война китайская, война японская... И вотъ, наконецъ, «нутряная», почвенная, національная война.

Всколыхнулась вся Русь, и валитъ и претъ защищать свои границы, дать отпоръ дерзкому врагу.

Надо самому побывать, хоть не на войнѣ, а вотъ такъ, какъ я, «вокругъ войны», чтобы понять ту силу, тотъ неудержимый восторгъ, съ какимъ идутъ наши тверичи, куряне, туляки, тамбовцы и пр. и пр... Это, дѣйствительно, какая-то народная «лава», безъ различія племени, вѣръ, богатствъ, чиновъ и сословій...

...Какіе тихіе, задушевные и важные разговоры ведутся по вечерамъ,

при оплывшемъ огаркѣ свѣчи, въ нашемъ маленькомъ тряскомъ вагонѣ.

Всѣ настроены по камертону побѣды, но никто не похваляется, никто и слова такого не выговоритъ...

Прежнее «шапками закидаемъ» выброшено за окно въ желѣзнодорожную канаву.

Говорятъ объ урожаѣ,—хлѣбномъ и духовномъ,—о томъ, что-то, молъ, будетъ *послѣ войны*, послѣ *насъ*,—и важность этихъ рѣчей слышатъ убѣгающая ночь и проходящій день, да окрыляющій нашъ поѣздъ «номеръ такой-то» призракъ побѣды...

Мы почасту и подолгу стоимъ на какихъ-то маленькихъ станціяхъ, а то и полустанкахъ, которые бывало прежде незамѣченно и равно-

душно проскакивали мимо въ экспрессахъ, на мягкихъ диванахъ и въ вагонъ-ресторанахъ. Тогда они были намъ неважны, а теперь каждая такая станція, каждая платформа, будка желѣзнодорожнаго сторожа исполнены особаго значенія, особой цѣнности. Я бы сказалъ еще:

— Особой любви.

Какія-то широкія дали сѣдой мглой, послѣдневной жары, опустившіяся надъ мирными полями, и высокое вечернее небо, и пыльный станціонный садикъ, и растерянный, хлопочущій начальникъ станціи, и мѣстныя барышни, одѣляющія нашихъ сѣрыхъ героевъ сластями и папиросами, и трусливое непониманіе всего происходящаго бабъ съ яблоками и молокомъ, и, наконецъ,

гулкій сигналъ съ ближайшей станціи,—что другой, молъ, поѣздъ прошелъ, а теперь вы пожалуйте...

На этихъ-то полустанкахъ и видишь всю силу народную, которая идетъ со всѣхъ сторонъ нашей великой родины и раздѣлена теперь по полкамъ, разсажена по вагонамъ, оторвана отъ всей личной жизни, увезена куда-то и теперь оставлена на ночевку...

Вотъ цѣлая вереница сѣрыхъ гусей-вагоновъ, откуда выглядываютъ наши защитники и ведутъ такія же, какъ и мы, тихія, почтительныя рѣчи...

Трогательная подробность: солдатскіе вагоны всегда убраны березками,—ну, точно въ Троицынъ день... Фонари тоже въ уборахъ: въ разноцвѣтныхъ, плисированныхъ

бумажкахъ, напоминающихъ японскіе фонари.

На какомъ-то полустанкѣ «невѣдомомъ» я подошелъ къ солдатскому вагону, гдѣ полулежали равнодушные, невѣдомые служаки, жевали яблочко, поплевывали, курили даренныя папироски и тоже—поплевывали...

— Кто же это сдѣлалъ?—спросилъ я, любуясь дѣйствительно мастерски разукрашеннымъ фонаремъ.

— А Нефедовъ,—лѣниво отвѣчало сермяжное «хаки».

— Какой Нефедовъ?

— А Павлинъ...

— Какой Павлинъ?

— Павлинъ одинъ... Колченогій...

Все полусонное царство усмѣхнулось, словно крякнуло...

— Нехведовъ!.. Павлинъ!!—воз-

звала какая-то тонкая полуинтеллигентная фистула изъ глубины темнаго вагона,—проснись, пробудись, ужъ весна на дворѣ... Вотъ баринъ интересуется...

— А ну его къ...

— Очень неделикатно... на твое произведеніе любуется, а ты, между прочимъ, выражаешься...

— Покупаетъ что ли?

— Эхъ, ду-ура!—протяжно замѣтилъ кто-то изъ мрака.

И эти слова не замедлили произвести соотвѣтствующее впечатлѣніе.

Нефедовъ, свернувшійся было клубочкомъ, какъ сорока, разомъ вскочилъ, и рыжій, взъерошенный, съ губами, которыя еще по сонному чмокали, полѣзъ на меня, ловко сѣлъ на приступку и заболталъ ногами...

— Эхъ, глазки тѣшутся!—пропищалъ онъ.

Полусонный смѣхъ.

— Меньше бы пилъ,—отозвалось изъ вагонной утробы.

— Молчи... каратель, —пискливымъ голосомъ, какъ «Петрушка», отвѣчалъ Нефедовъ.

Смѣхъ проснулся.

— Дура и есть!—обличала утроба.

Я спросилъ:

— Откуда ты такъ научился?

— А красивенько?

— Очень.

— У японцевъ учились... Мастера!..Я, вишь, въ плѣну былъ... да,—повѣствовалъ Нефедовъ. — Такъ тамъ все изъ бумаги дѣлаютъ... даже дома, да... Вотъ коробочки разныя, мельницы, кримдельки тамъ ихъ разныя, это все я могу... Я

было разъ своей бабѣ платье изъ газеты сдѣлалъ, ей-Богу, такъ обидѣлась... Не допустила..

И всѣ засмѣялись.

* * *

...Идетъ по головамъ нашимъ сонъ и плавится въ неясныхъ формахъ...

Вотъ туманъ и безконечныя русскія поля, и надъ нами свѣжей полуночной грудью дышитъ побѣда...

Невѣдомая, желанная издалека, издавна пришедшая къ намъ Самоѳракійская Побѣда, это ты.

Обезглавленное, крылатое созданіе генія войны, чей полетъ поднимаетъ весь парижскій Луврь, неужели это ты плывешь къ намъ, благородная союзница храбрыхъ, въ истекающемъ дуновеніи боже-

ственныхъ складокъ, въ этой высокой волнующейся груди, и въ животѣ своемъ, и во всей своей мощи, ты словно сама изваянная изъ человѣческой плоти и сѣрой вулканической лавы, ты, къ которой я бѣгалъ на свиданія еще только въ этомъ году, еще только этимъ лѣтомъ, и любовался высью твоей и свѣжимъ морскимъ вѣтромъ въ твоихъ раскинувшихся и словно отъ бурь всхохленныхъ перьями крылъ? Привѣтъ тебѣ, ты идешь надъ нашимъ маленькимъ поѣздомъ въ тишинѣ псковскихъ, витебскихъ и гродненскихъ ночей къ невѣдомому, которое блистаетъ зарницами войны на Западѣ.

ТРИ ГРАФИНИ.

У 5-лѣтней Кази три куклы: графиня Потоцкая, графиня Браницкая и графиня Замойская.

Казя, какъ природная «заядлая» шляхтянка, не можетъ обойтись безъ титулованныхъ знакомствъ и очень горда близостью такихъ важныхъ барынь. Особенно она дружна съ графиней Потоцкой, у которой кромѣ голубого, кисейнаго платья есть еще соломенная шляпа

съ незабудками и глазки на шарнирахъ. Съ Браницкой дѣвочка не въ ладахъ, потому что графиня выпачкалась въ вареньѣ, а Замойская, хотя и безъ рукъ, однако, на правахъ больной, всегда спитъ вмѣстѣ съ Казей.

Дѣвочка этимъ лѣтомъ гоститъ у бабушки въ имѣніи подъ самымъ Калишомъ, а ея больная мать застряла за границей въ какой-то нѣмецкой сенаторіи и отъ нея до сихъ поръ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Бабушка волнуется и со дня на день собирается въ Варшаву.

У нихъ все уже готово къ отъѣзду, но арендаторъ Янкель задерживаетъ съ платежами и клянется, что все вокругъ спокойно и ничего съ ними не будетъ.

Между тѣмъ уѣздъ глухо вол-

нуется... Война не за горами, бабы пугаютъ маленькихъ дѣтей нѣмцами и толкуютъ о какомъ-то «черномъ слѣпомъ войскѣ»—на Казю особенно дѣйствуетъ послѣднее выраженіе.

— Черное, — разсуждаетъ она,— ну, это еще куда ни шло, а слѣпое? Развѣ можетъ быть слѣпое войско?..

Она разспрашиваетъ объ этомъ у всѣхъ: и у бабушки, и у ксендза, и у доктора Петкевича, который часто заѣзжаетъ къ нимъ съ «самыми свѣжими новостями за... бутылкой старки.

Бабушка говоритъ:

— Сиди, молчи... Играй въ куклы...

И тогда Казя беретъ своихъ графинь и въ гостиной, подъ ломбернымъ столомъ, устраиваетъ политическій салонъ.

Она испуганнымъ шопотомъ разсказываетъ пріятельницамъ о «черномъ, слѣпомъ войскѣ», и когда ей не хватаетъ словъ, переходитъ на выдуманный ею самой французскій языкъ:

— Себелякомъ, мелякомъ, комъ са?—спрашиваетъ она у Потоцкой.

И графиня отвѣчаетъ ей:

— Беля комъ саса!

* * *

И вдругъ все вспугнулось, загудѣло, загрохотало:

— Нѣмцы! Нѣмцы!..

Вчера ихъ отряды показались тамъ и сямъ, по волчьему понюхали уѣздъ, и живо ускакали. Потомъ снова пришли, но уже смѣлѣе.

Опять ушли. Наконецъ ихъ прорвало, будто мѣшокъ съ орѣхами, и они посыпались по всей губерніи— и бабушка едва не умерла отъ страха.

— Денегъ! Денегъ!—молитъ она Янкеля.

Но арендаторъ только разводитъ руками и говоритъ:

— Развѣ я нѣмецъ? У какого же настоящаго поляка есть теперь деньги?..

Въ салонѣ подъ столомъ тоже притихло.

Куклы сидятъ по стѣнкѣ, а сама Казя день-деньской блуждаетъ по саду и думаетъ о пруссакахъ, о тотъ страшномъ слѣпомъ войскѣ, которое ихъ скоро завоюетъ...

Въ сѣрой лопушистой заросли орѣшника теплая стоячая тишина...

Казя отъ нечего дѣлать гнетъ вѣтви, притягивается, потомъ срываетъ пушистый листъ, оборачиваетъ его на холодную жилистую сторону и хлопаетъ по немъ...

Получается звукъ въ родѣ выстрѣла.

— Вотъ тебѣ какъ! — говоритъ дѣвочка, мысленно убивъ сразу нѣсколько пруссаковъ.

И вдругъ она видитъ, что кусты орѣшника раздвинулись и передъ ней не то голубой, не то сѣрый — нѣтъ, сѣрый,—стоитъ какой-то человѣкъ съ саблей и говоритъ, улыбаясь:

— Gut morgen!

Казя удивлена, смущена, но быстро владѣетъ собою:

— Моргенъ гутъ!

— Ты полька? — плохимъ поль-

скимъ языкомъ допрашиваетъ Сѣрый Волкъ.

— Натурально,—отвѣчаетъ Красная Шапочка, по-шляхецки, поведя плечомъ.

Тогда нѣмецъ говоритъ нарочнымъ грознымъ голосомъ:

— Гдѣ у васъ спрятаны казаки?

И онъ сильно хватаетъ дѣвочку за руку.

— Ой, больно!.. Я буду жаловаться бабушкѣ...

— Гдѣ у васъ казаки?..

— У насъ нѣтъ казаковъ... Пустите меня... Мнѣ больно!.. Пустите!..

— Гдѣ твоя бабушка?

— Дома.

— А кто тамъ еще у васъ?

— Графиня Потоцкая... графиня Браницкая... графиня...—сквозь слезы бормочетъ Казя.

— Что? что-о?—изумляется пруссакъ и свищетъ.

Густой орѣшникъ трещитъ подъ чьими-то медвѣжьими лапами и пятеро дюжихъ солдатъ являются по свисту.

Нѣмцы о чемъ-то говорятъ, хмуро улыбаясь, уходятъ и вскорѣ появляются снова, но уже на лошадяхъ.

Ихъ много и, быстро раскидавъ заборъ, они прямо въѣзжаютъ въ бабушкинъ садъ...

Офицеръ остается все время съ Казей и не пускаетъ ея руки. Онъ пробуетъ успокоить дѣвочку и лаской, и угрозой, но та все время плачетъ и твердитъ:

— Пустите... пустите... мнѣ больно!..

— Э-э, свинья,—злится офицеръ

и даетъ Казѣ по носу такой щелчокъ, что у той закапала кровь.

— Ну, будетъ ревѣть!—прикрикиваетъ онъ, взявъ ребенка на руки.— Садись со мной на лошадь: показывай, гдѣ твоя бабушка, гдѣ твои графини?..

Онъ самъ и всѣ мчатся по дорожкамъ къ дому—офицеръ съ Казей на передкѣ сѣдла, а за ними солдаты.

* * *

Бабушка напугались до смерти, когда ватага грубыхъ солдатъ ввалилась въ ея мирный домъ и когда офицеръ, кинувъ Казю на диванъ, заоралъ:

— Показать мнѣ казаковъ!.. Я знаю, они здѣсь... Приготовить намъ обѣдъ!.. Вина, чортъ возьми!..

Шевелись, старуха, а не то я тебя!.. Гдѣ графини?

Хозяйка едва держалась на ногахъ, но все-таки отвѣчала:

— Казаковъ у насъ нѣтъ... Обѣдъ я вамъ приготовлю и вина вамъ дамъ... Но о какихъ графиняхъ вы спрашиваете?

Капитанъ указалъ на Казю:

— Вотъ она говорила о какихъ-то...

Бабушка не удержалась отъ улыбки:

— Казя, покажи своихъ графинь...

И дѣвочка полѣзла подъ ломберный столъ и достала оттуда куколъ:

— Вотъ Потоцкая... вотъ Браницкая... вотъ...

До Замойской такъ дѣло и не дошло: дальше слѣдовалъ настоящій ревъ.

Бѣдная безрукая Замойская!

— Ха-ха-ха! — раскатился офицеръ.

— Ха-ха-ха!—загремѣли солдаты.

— Ну, ладно, шевелитесь съ обѣдомъ!—командовалъ нѣмецъ,— намъ еще далеко ѣхать... До самаго Петербурга... И вина, вина!..

... Казя смущена. Она забилась со своими куклами въ какой-то чуланъ и смутно сознаетъ, что нехорошо сдѣлала, приведя къ бабушкѣ пруссаковъ.

Но какъ помочь горю? Солдаты хозяйничаютъ по всему дому, кричатъ, ругаются, бьютъ прислугу. Офицеръ спитъ на диванѣ, задравъ ноги, и храпитъ такъ, что страшно становится...

Кто-то успѣлъ повалить фарфоровую вазу съ восковыми цвѣтами,

которой особенно гордилась бабушка, кто-то продырявилъ старый фамильный портретъ...

Обѣдали всѣ вмѣстѣ—и офицеръ и солдаты—много пили, требовали бабушку, но та не вышла, сказавшись болѣзнью.

— Ну и чортъ съ ней!—рѣшилъ офицеръ,—что возиться со старухой? Мы найдемъ что-нибудь посмѣшнѣе... Гдѣ эта дѣвочка съ куклами?... Позвать ее сюда!.. Солдаты отыскали спрятавшуюся Казю и доставили въ столовую.

На этотъ разъ, къ общему изумленію, дѣвочка казалась веселой и развязной.

Она спокойно вошла въ комнату, держа въ охапкѣ графинь, и даже сдѣлала книксенъ.

— А-а-а!.. — обрадовался офи-

церъ,—ты больше не ревешь? Это хорошо... Иди-ка сюда, садись со мною... Ты хочешь быть моей дамой?..

— Натурально!—не безъ кокетства отвѣчала Казя,—вы вѣдь такой храбрый!..

— Слышите? слышите?—загоготалъ нѣмецъ, пощипывая рыжій усъ, — маленькая полька умѣетъ льстить! Ахъ ты, котенокъ!..

И онъ ласково дернулъ ее за ухо.

— Вино пьешь?

Казя покачала головой.

— А попробовать хочешь?

Дѣвочка покосилась на ту дверь, откуда могла выйти бабушка, и тихонько сказала:

— Хочу.

— Давай выпьемъ!

Они чокнулись, и Казя хлебнула,

поперхнулась, раскашлялась и отказалась пить дальше.

— За здоровье моей дамы!—кричалъ офицеръ.

Стѣны задрожали отъ дружнаго «hoch», но Казѣ это очень понравилось.

Офицеръ разошелся и упросилъ дѣвочку дать ея куклы солдатамъ:

— Вмѣсто дамъ!

— Ну, хорошо,—согласилась Казя,—только скажите имъ, чтобы они были съ ними вѣжливы: вѣдь это очень важныя дамы!..

Офицеръ перевелъ—и графини стали переходить изъ рукъ въ въ руки охмелѣвшихъ солдатъ.

Ихъ угощали виномъ, съ ними чокались, обнимали, цѣловали, задавали самые неприличные вопросы, учиняли всякія безчинства, ко-

торыхъ дѣвочка еще не понимала...

Три графини терпѣливо сносили все это и смотрѣли на враговъ испуганными глазами.

— Какъ же ты живешь здѣсь?— разспрашивалъ тѣмъ временемъ офицеръ,—неужели все время одна?.. Безъ матери?.. Безъ няньки?.. Только съ бабушкой?..

И Казя разсказывала своему страшному кавалеру, что няньки у нея нѣтъ, а мать за границей; есть толстая служанка Галина, но она ея не любитъ потому, что та пьетъ водку. И еще дѣвочка просила не шумѣть такъ сильно, чтобы не безпокоить бабушки.

Она нѣсколько разъ бѣгала навѣстить ее, успокаивала и хитро посмѣивалась своимъ дѣтскимъ мыслямъ.

— Они убьютъ тебя, убьютъ!— стонала старуха.

— Не убьютъ... не убьютъ...— подпрыгивала Казя и снова бѣжала въ столовую.

Она была возмущена, когда увидала, что какой-то совершенно пьяный солдатъ повѣсилъ одну изъ графинь подъ лампой, и твердо сказала офицеру:

— Это свинство!

— Правильно!—согласился тотъ,— пошли всѣ вонъ отсюда! И вообще тутъ слишкомъ жарко, скучно... Идемъ въ садъ.

* * *

... Былъ вечеръ, когда Казя отвела всѣхъ въ бесѣдку и заперла на ключъ.

Это было старинное каменное зданіе, похожее на мавзолей и носившее необыкновенное названіе «Храмъ глупаго удивленія»...

Бесѣдка осталась еще отъ того времени, когда вмѣсто скромной бабушкиной усадьбы здѣсь было роскошное имѣніе польскаго магната, давнымъ давно изничтоженное пожаромъ.

Нѣмцы, со своими бутылками и стаканами, храбро вошли внутрь диковиннаго храма, зажгли свѣчи и продолжали попойку, забывъ про дѣвочку.

А она тѣмъ временемъ потихоньку скользнула на волю и замкнула дверь. Выбраться отуда нѣмцамъ не было никакой возможности, потому что полукруглыя, зарѣшечтанныя желѣзными стрѣлами окна

находились подъ самымъ потолкомъ, а двери запирались такимъ хитрымъ замкомъ, какимъ въ старину на Польшѣ славились данцигскіе мастера. Звукъ, протяжный, пѣвучій звукъ, исходилъ изъ механизма, когда повернуть вдѣланный ключъ, иногда даже пугалъ людей, ибо, начавшись мелодіей, кончался стономъ, и хрипомъ, и скрежетомъ. По преданію, за такой-то звукъ бесѣдка и получила прозвище «Глупаго удивленія».

Казя всегда смущалась, когда, по нѣскольку разъ поворачивая ключъ, заставляла играть скрытый въ замкѣ органчикъ, и опрометью бросалась бѣжать изъ сада... Ей казалось, что какое-то доброе существо томилось въ бесѣдкѣ и сначала пѣло тихую пѣсню, потомъ

мучалось въ тюрьмѣ, стонало и умирало съ ужаснымъ проклятіемъ...

... Удивились и нѣмцы, услыхавъ подобную музыку, насторожились, переглянулись, потомъ легкомысленно продолжали кутежъ, и никому изъ нихъ въ голову не пришло, что захлопнувшаяся дверь на вѣки погребла ихъ въ этомъ каменномъ мѣшкѣ.

Казя тѣмъ временемъ, взволнованная, какъ никогда, съ сильно бьющимся сердцемъ. бѣжала по саду,—но не къ дому, а къ большой дорогѣ.

Первый разъ въ жизни она оставила своихъ графинь, бросивъ ихъ у бесѣдки и словно поручая имъ караулить нѣмцевъ.

Она бѣжала безсмысленно, но предчувствуя идущую ей навстрѣчу

подмогу и потому была мало удивлена, когда увидала пробирающійся по лунной опушкѣ фруктоваго сада казачій пикетъ.

— Стойте! стойте! — закричала она.

... И вотъ Казя опять среди военныхъ и прерывающимся голоскомъ разсказываетъ про свой подвигъ...

Вотъ она опять на сѣдлѣ и ведетъ свой отрядъ къ «Храму глупаго удивленія»...

Но теперь это уже не храмъ, это страшная тюрьма, это адская ловушка, въ которой мечутся, кричатъ, богохульствуютъ люди, «черное слѣпое войско», чуть не грызутъ другъ другу горло...

Смерть уготовала здѣсь нѣмцамъ небывалую западню, и казаки, доставъ на усадьбѣ лѣстницы, успо-

коили всѣхъ по очереди... Хлопаютъ винтовки,—слышатся стоны... Потомъ все смалкаетъ... Ждутъ... Молчаніе... Тогда рѣшаютъ открыть дверь, и опять старый данцигскій замокъ поетъ жуткую пѣсню смерти...

Трупы, трупы и трупы...

Казя входитъ побѣдительницей въ этотъ омутъ въ ея жестокой дѣтской мести.

. . . .

А утромъ, когда взошло солнце, въ росистой блистающей травѣ, подлѣ бесѣдки, сидѣли, хотя и забытыя, но счастливыя и улыбающіяся три куклы: графиня такая, графиня такая и еще такая.

ДЕНЩИКЪ.

(Съ войны).

... Дай мнѣ поглядѣть на тебя въ первый и послѣдній разъ, нашъ безвѣстный, хотя и народный герой, Иванъ Кувшинниковъ,—поглядѣть, и даже заглядѣться, чтобы навсегда запомнить мужественныя черты твоего лица... Экая красота душевная ушла съ тобою въ землю и запечатлѣлась серьезной складкой межъ бровей, будто не хотѣлось ей бро-

сать жизнь и что-то незавершенное оставила она послѣ себя...

Ты былъ казакъ, о какихъ только поется въ народныхъ пѣсняхъ, казакъ, какихъ только рисуютъ на картинкахъ, и о какихъ мечтаютъ всѣ молодыя казачки; былъ денщикомъ у молоденькаго хорунжаго Петрова и любилъ его, какъ только нянюшки любятъ своихъ питомчиковъ. Храбрый до ужаса, честный до удивленія, скромный до умиленія, ты геройски служилъ своему офицеру. Вотъ этотъ милый, безусый мальчикъ стоитъ теперь у твоего простого гроба и рыдаетъ навзрыдъ...

— Кувшинниковъ... милый!..

Онъ прибѣжалъ вчера вечеромъ ко мнѣ съ отчаяннымъ крикомъ:

— Умеръ!.. умеръ!.. Это я убилъ его!..

— Кто умеръ?—всполошился я.— Кого вы убили?!.. Успокойтесь, ради Бога!

— Иванъ умеръ... Кувшинниковъ... Мой денщикъ...

И повалился на диванъ.

Кое-какъ удалось мнѣ успокоить его, кое-какъ Петровъ овладѣлъ собою и кое-что могъ разсказать о Кувшинниковѣ. Я слушалъ его весь вечеръ и всю ночь, слушалъ безхитростное поминовеніе отлетѣвшей чистой души, поминовеніе, которое было не хуже всяческихъ «гражданскихъ» панихидъ,—а утромъ мы оба были въ лазаретѣ.

Вотъ истина.

* * *

Кувшинниковъ съ видимымъ неудовольствіемъ пошелъ въ денщики

къ Петрову. Все первое время онъ былъ мрачно исполнителенъ и холодно равнодушенъ. Смотрѣлъ исподлобья и молчалъ. Хорунжій даже замѣтилъ ему:

— Послушай, да пойди ты кудани будь, развлекись что ли, вѣдь на тебя смотрѣть тошно!..

— Такъ точно,—козырнулъ денщикъ.

... У него, очевидно, былъ какой-то опредѣленный срокъ для испытанія людей, для знакомства съ ними, для отношеній. Рѣдко кого удостаивалъ онъ своего вниманія, а тѣмъ паче любви, но, полюбивъ, оставался вѣрнымъ до гроба. Такъ было и тутъ. Срокъ ревнивыхъ наблюденій, вѣроятно, истекъ, и въ одно прекрасное утро Кувшинниковъ предсталъ преобразившимся

до неузнаваемости. Это былъ веселый, расторопный малый, который, когда что-нибудь дѣлалъ или за чѣмъ-нибудь бѣгалъ, такъ чуть ли пѣсни не пѣлъ.

— Да что съ тобою? пьянъ ты что ли?—изумлялся хорунжій.

— Никакъ нѣтъ.

— Влюбился въ кого-нибудь?

— Такъ точно.

— Въ кого же?.. Ну-ка, разскажи.

— Никакъ нельзя, ваше благородіе: онѣ не барышни...

— А кто же такой?

— Я васъ полюбимши...

— Вотъ дуракъ!

... Кто знаетъ русскихъ денщиковъ, тому, конечно, извѣстно, какія функціи женственности несутъ они при офицерахъ. На войнѣ это

и въ самомъ дѣлѣ — мать, сестра, нянька, сидѣлка. Я наблюдаю ихъ по лазаретамъ и дивлюсь именно женственности обращенія ихъ. Нѣкоторые прямо-таки не отходятъ отъ постели своего раненаго «идола», не спятъ день и ночь, ревниво рычатъ на докторовъ и на сестеръ и готовы загрызть каждаго празднаго посѣтителя.

Кувшинниковъ былъ именно такимъ тѣлохранителемъ «безъ страха и упрека». Слабенькій здоровьемъ хорунжій Петровъ заболѣлъ чуть ли не на второй день похода. Пришлось лечиться въ скверномъ уѣздномъ городишкѣ, гдѣ и фельдшерато порядочнаго не оказалось. Кувшинниковъ неожиданно показалъ большія познанія народныхъ снадобій и принялся ретиво лечить

«его благородіе» всякими травами, опредѣливъ болѣзнь по своему:

«Трясѣя и плачѣя».

И ужъ неизвѣстно, благодаря ли новоявленному Бертенсону или своему молодому организму, Петровъ быстро поправился, и они догнали полкъ.

Утвердились они на самой прусской границѣ и притомъ въ самомъ началѣ войны. Наслушались всякихъ страховъ о вражескихъ полчищахъ и ничуть не испугались. Кувшинниковъ былъ провозглашенъ среди солдатъ и офицеровъ чѣмъ-то въ родѣ Пиѳіи. Что бывало къ утру предскажетъ, то въ тотъ день и случится:

— Вотъ сюда придутъ и потомъ сюда... Мы ихъ уберемъ живо, чего тамъ разсказывать.

Бывало такъ и выходило.

— Да ты у насъ самъ Мольтке!— острилъ поручикъ Хохловъ,—большой знатокъ въ военной исторіи для младшаго возраста.

— Такъ точно,—безъ заминки отвѣчалъ Кувшинниковъ.

Его по личной просьбѣ не разъ высылали на развѣдки, и онъ всегда отличался.

— Я Нѣмцевъ во какъ знаю!—не безъ нѣкотораго на этотъ разъ хвастовства говорилъ онъ,—и они меня знаютъ... Я имъ одинъ разъ такъ пригрозилъ, что будутъ помнить!

— А какъ же?

— Да, видите, сарканилъ я было тутъ одного ихняго, а потомъ отпустилъ... Иди, говорю, Фридрихъ, и доложи по начальству, что молъ Кувшинниковъ не желаетъ.

— А какъ же ты говорилъ?

— По-русски.

— А нѣмецъ?

— По-нѣмецки.

— И поняли?

— Да чего же тутъ, ваше благородіе, не понять, коли человѣкъ на колѣнкахъ плачетъ, даже посинѣлъ?... Помилуйте.

Кувшинниковъ въ этихъ начальныхъ, мелкихъ пограничныхъ дѣлахъ былъ не только Пиѳіей, но и Гебой. На самыхъ голодныхъ стоянкахъ онъ доставалъ офицерамъ пищу боговъ. Онъ отбивалъ чудовищные обозы провіанта въ видѣ двухъ гусей, крынки молока и коровая хлѣба тамъ, гдѣ все казалось было опустошено и изничтожено. Онъ велъ дружбу съ поляками и съ евреями, влюблялся въ отвра-

тительныхъ шинкарокъ, обѣщалъ невыразимыя милости завѣдомымъ шпіонамъ и всегда доставлялъ то, чего у него требовали.

Единолично онъ ходилъ «на нѣмца», какъ на охоту. Бывало, просится:

— Ваше благородіе, дозвольте...

— Туда?

— Такъ точно.

— Ну, ступай... Только, смотри, каску принеси!

«Туда»—это туманное, таинственное туда обозначало прусскую границу, на которой «дѣйствовалъ» Кувшинниковъ и откуда никогда не возвращался безъ нѣмецкой каски. Иногда онъ доставалъ тамъ изъ ранцевъ убитыхъ коньякъ и сигары—и тоже привозилъ.

Хорунжій попивалъ, покуривалъ да похваливалъ:

— Молодецъ Кувшинниковъ, ты, братецъ, не денщикъ, а маркитантка какая-то. Говори, ты маркитантка?

— Такъ точно,—отвѣчалъ герой.

Однажды послѣ двухъ-трехъ удачныхъ развѣдокъ Кувшинниковъ попросилъ:

— Ваше благородіе, дозвольте?..

— Туда?..

— Такъ точно.

И «туда» покрыло Кувшинникова мракомъ густого, словно ватнаго вечера, и вернулся онъ только къ утру, хотя и съ пачкой сигаръ и коньякомъ, но раненый въ спину на-вылетъ...

— Что съ тобою?.. Какъ все было?—волновался хорунжій.

— Не извольте безпокоиться,—

докладывалъ съ минуты на минуту блѣднѣющій денщикъ.—Все очень просто. Я это было къ нимъ подъѣхалъ, да на пикетъ и нарвался... Ну, думаю, ухлопаютъ... Анъ нѣтъ... Оказалось, люди знакомые. Сейчасъ они мнѣ дѣлаютъ флагъ и я имъ дѣлаю флагъ... Съѣхались... Поговорили... Я говорю имъ: «Братцы, у моего поручика сигаръ нѣтъ и коньяку пожалуйте!»... А они: «Гутъ, гутъ». Потомъ мы сѣли, разговаривали. Я тоже двѣ цыгарки выкурилъ. Они мнѣ было все коньяку, а я говорю, что «казаки, молъ, по старой вѣрѣ, такъ намъ никакъ невозможно»... Очень интересно. Потомъ я, какъ поѣхалъ отъ нихъ, а они, сукины дѣти, мнѣ въ догонку-то и пульнули...

* * *

... Въ городѣ, гдѣ я живу, умеръ этотъ незанумерованный храбрецъ нашъ, о которомъ споютъ когда-нибудь въ казацкихъ пѣсняхъ, и по достоинству оцѣнятся и красота душевная, и храбрость его. Кто, въ самомъ дѣлѣ, изъ васъ знаетъ про денщика—казака Ивана Кувшинникова? Но надъ нимъ плачетъ горькими слезами маленькій хорунжій.

— Это я, это я убилъ его!..

— Полноте, — говорю я. — Онъ ушелъ отсюда, какъ туманъ, какъ дымъ отъ кадила, какъ наша первая любовь...

ОТКРЫТКИ.

(Съ войны).

Варшава.

I.

Я не узналъ «города сирены», не узналъ варшавянъ, не узналъ такъ называемыхъ «русско-польскихъ» отношенiй. Изъ кореспонденцiй А. И. Ксюнина вы уже знаете о томъ энтузiазмѣ, съ какимъ поляки встрѣчали и провожали русскiя войска, о нѣжной заботливости

по отношенію къ раненымъ и о героизмѣ мѣстныхъ женщинъ на перевязочныхъ пунктахъ. «Я зову небеса во свидѣтели», а также Пуришкевича — который орудуетъ здѣсь — не ожидалъ такого братскаго отношенія отъ недавнихъ сепаратистовъ. «Неистовый Владиміръ» прямо заявляетъ:

— Даю мою правую руку на отсѣченіе, если когда-нибудь обижу поляковъ!

И знакомая на думскихъ засѣданіяхъ правая рука праваго депутата, рука въ золотомъ браслетѣ тянется впередъ ладонью, а не кулакомъ, который еще недавно стучалъ по пюпитрамъ.

Я вспоминаю покойнаго Спасовича, который всю жизнь хотѣлъ спаять Россію съ Польшей друж-

бой двухъ великихъ національныхъ поэтовъ — Пушкина и Мицкевича. Живу теперь въ двухъ шагахъ отъ памятника послѣдняго и каждый разъ, проходя мимо него, думаю, какимъ бы звонкимъ раскатомъ вдохновенной лиры отозвался онъ, бронзовый печальникъ своей страны, увидавъ это кровавое братаніе.

Я не военный кореспондентъ, а потому не ждите отъ меня описанія какихъ-либо битвъ или объясненія спеціальныхъ вопросовъ. Я—одинъ изъ многихъ русскихъ поклонниковъ войны, которыхъ можно было бы теперь объединить въ одно «общество имени Пьера Безухова». Левъ Толстой далъ намъ благороднаго патрона, которому мы, «штатскіе—военные», стараемся подражать, имѣемъ боль-

шія печали и великія радости, ухаживаемъ за войной, учимъ ея мистику и, кажется, уже облагораживаемся народнымъ героизмомъ. Насъ постоянно окликаютъ, удерживаютъ, а то и просто гонятъ:

— Куда? Куда?!.. Назадъ!..

Но идти назадъ уже поздно, близорукіе глаза отказываются служить, карта сраженія не для насъ и намъ остается быть только очевидцами войны, ея мистиками, ея самаритянами.

Это слово особенно почтенно здѣсь, на перевязочномъ пунктѣ Варшавы. Маленькое мѣстное благотворительное общество, основавшееся всего только два года назадъ, но уже успѣвшее завоевать себѣ лестную репутацію среди множества лопнувшихъ и лопающихся

попечительныхъ обществъ, работаетъ, какъ его евангельскій вдохновитель. Общество это внѣпартійное и никакихъ политическихъ цѣлей не преслѣдуетъ. Помѣщенный на перевязочномъ пунктѣ Варшавы между «Краснымъ Крестомъ» и такъ называемымъ «Обывательскимъ» обществомъ, «Самаритянинъ» терпитъ часто жестокую нужду въ самыхъ необходимыхъ средствахъ: въ хлѣбѣ, въ молокѣ, въ сахарѣ, въ папиросахъ, въ бумагѣ отъ мухъ—ихъ здѣсь множество!—терпитъ, какъ и всѣ другія общества, защищенныя, впрочемъ, и патронируемыя. А это маленькое христіанское общество, ставшее у самаго устья пріемки раненыхъ, ретиво бьется и увлекаетъ своей незримой, но чувствительной дѣятельностью.

... «Въ отрядѣ славнаго Гучкова» — большой подъемъ, успѣхи и успѣхи... Быстро сковывается цѣпь отношеній между пунктами, и черный автомобиль «генерала-организатора» мчится по всему варшавскому округу. У него прекрасные помощники, о которыхъ я скажу въ слѣдующей «открыткѣ», а пока два слова о томъ обществѣ, которое непереводимо именуется здѣсь «Обывательскимъ» и которое, вѣроятно, такъ и перехватило моего друга Пуришкевича, отдавшаго цѣлую правую руку за Польшу. Это общество дѣйствительно напоминаетъ сонеты Мицкевича по той женской ласкѣ, вниманію и долготерпѣнію, какія оказываютъ польскія женщины нашимъ раненымъ.

Помоги имъ Богъ!

II.

...На нѣкоторое время пришлось отложить присылку «открытокъ», ибо частые разъѣзды по «краю» не позволяли взяться за перо.

Теперь исцѣляюсь въ Варшавѣ отъ вагонной и автомобильной тряски, омываюсь отъ дорожной пыли и грязи, привожу въ порядокъ свои чувства и мысли, — и радъ, что могу подѣлиться впечатлѣніями...

Ихъ много,—и мрачныхъ, и свѣтлыхъ,—но всѣ они облиты какимъ-то необыкновеннымъ, — я бы сказалъ—религіознымъ сіяніемъ.

Война, которую я наконецъ-таки увидалъ воочію, предстала не

въ романтическомъ «бенгальскомъ» освѣщенiи, а въ важномъ и простомъ евангельскомъ тонѣ. Положимъ, что мы переживаемъ войну, «какой, по выраженiю одного военнаго писателя, никогда не было», войну, похожую на одну изъ самыхъ патетическихъ страницъ Апокалипсиса съ явленiемъ звѣреподобнаго Антихриста. Полное презрѣнiе къ страданiямъ и равнодушiе къ смерти, беззавѣтный героизмъ и поразительная скромность,—вотъ что, по мнѣнiю всѣхъ, кто бывалъ на войнахъ, отличаетъ эту святую, братскую войну.

Н. Н. Львовъ, котораго я встрѣтилъ здѣсь, какъ уполномоченнаго «Краснаго Креста», справедливо говоритъ:

— Эта война тѣмъ удивительна,

что въ ней нѣтъ не-генеральныхъ сраженій!..

А я прибавлю:

— И тѣмъ еще, что на ней нѣтъ генераловъ, а все солдаты!..

Исчезло обычное чинопочитаніе, и крѣпкое братство объединило всѣхъ.

Я видѣлъ, какъ къ одному капитану подошли солдаты съ котелкомъ горячей пищи, упрашивая его поѣсть:

— Вѣдь мы знаемъ, ваше-родіе, со вчерашняго дня не ѣмши... Оголодали... Извольте спробовать...

— А что жъ, правда... Не обижу васъ?.. Ну, спасибо!

И въ благодарность онъ угостилъ ихъ папиросами.

* * *

Папиросы, какъ извѣстно, на войнѣ—великая штука.

Не удивляйтесь, если я отъ великаго перехожу къ такому малому, какъ «папироска, другъ мой тайный».

И голодъ, и холодъ, и боль терпѣливо сноситъ солдатъ, а вотъ постоянно жалуется:

— Эхъ, табачку бы!

На всѣхъ перевязочныхъ пунктахъ, во всѣхъ землянкахъ и окопахъ одна плачется нужда:

—Папиросочку!..

И съ великой охотой я передаю многоголосую просьбу нашихъ чудо-богатырей, обращаясь къ табачнымъ фабрикантамъ, продавцамъ и просто курильщикамъ о присылкѣ возможно большаго количества папиросъ въ дѣйствующую армію и

въ лазареты «Краснаго Креста», не задумываясь, въ данномъ случаѣ, надъ вопросомъ, «зачѣмъ люди одурманиваются».

Одинъ здѣшній хирургъ, шутя, совѣтуетъ:

— А вы катните-ка въ газетахъ открытое письмо «Дядѣ Михѣю», такъ намъ вагонъ вышлютъ!..

Но я думаю, что многіе курящіе, и не только «дяди Михѣи», отзовутся на мой призывъ, а потому ни къ кому въ отдѣльности не обращаюсь...

* * *

Война въ настоящее время значительно отдалилась отъ Варшавы въ сторону Львова, и мы разбираемся здѣсь въ недавнихъ нѣмецкихъ набѣгахъ на край.

Уходъ по всѣмъ лазаретамъ отличный, но сердце обливается кровью, когда видишь ужасные результаты прусскихъ и австріяцкихъ «думъ-думъ».

Разорванныя раны приводятъ въ отчаяніе самыхъ бывалыхъ докторовъ, и возмущеніе врачебнаго персонала не поддается описанію.

Всѣ въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что на японской войнѣ на три четверти было меньше звѣрствъ, чѣмъ на этой.

— Изверги! Кровопійцы! Варвары! Гунны! Печенѣги!—несется со всѣхъ сторонъ по адресу нѣмцевъ и того усатаго бранденбургскаго капрала, который все знаетъ и все разрѣшаетъ и всѣмъ очень доволенъ.

«...Васька слушаетъ да ѣстъ...»

III.

У городской заставы.

Солнечное утро. Пестрая и живописная въ своей неожиданной смѣси пригородная толпа...

Проходитъ бравый казачій полкъ.

Маленькія лохматыя лошадки, которыя нѣкогда составляли завѣтную мечту Наполеона, смѣшно трусятъ и перебираютъ тонкими ножками.

Запыленная амуниція солдатъ, ихъ загорѣлыя скуластыя лица говорятъ, что пришли они издалека, изъ той страны, что здѣшнимъ пригороднымъ обывателямъ представляется чѣмъ-то въ родѣ «того свѣта»...

Какой-то гоголевскій «франтъ съ покушеніемъ на моду» робко спрашиваетъ у казака:

— Проше, пана... Вы куда идете?

— Въ Берлинскую губернію, миленькій... да... въ Берлинскую!..— охотно отвѣчаетъ казакъ, скаля бѣлые, какъ кипѣнь, зубы.

«Берлинская губернія» для нихъ для всѣхъ будто не за горами...

Всякій рисуетъ ее себѣ по-своему, и недавно одинъ раненый жаловался мнѣ:

— Посмотрѣть бы столицу-то ихнюю, да вишь куда сунуться безрукому... Говорятъ, въ ней дома желѣзные и весь городъ подъ крышей... въ родѣ какъ чугунка...

Другой выражался ужъ прямо по-горбуновски:

— А что Вильгельма-то онъ вѣдь

стро-о-гій?!.. Онъ, вишь, парнишку-то своего какъ оконфузилъ... Приказалъ ему штаны снять, да при всей арміи-то и выдралъ... за височки.

А общій тонъ всѣхъ повѣствованій, формула всѣхъ настроеній, дословно записанная мною въ Уяздовскомъ госпиталѣ, такова:

— Мы это, ваше благородіе, было ихъ пулеметомъ поливай—потѣха! А они насъ оттеда шрапнелью—смѣшно!!.

Все это—видѣнное, слышанное, испытанное, такое простое, такое дѣтское, такое житейское—веселитъ душу при воспоминаніи о «Берлинской губерніи», про которую я узналъ отъ веселаго казака у городской заставы.

И провожающая пестрая толпа

горожанъ, и солнце, и пыль, и лохматыя лошадки, и ѣдущій впереди полка долговязый и долгогривый и страховидный, какъ самъ Пугачевъ, казачій «батюшка»,—все это вспоминается и сливается подъ «прозрачный» (смотри у Толстого) звукъ копытъ идущей и идущей конницы...

IV.

«Панъ Езусъ Старый».

Слышали ли вы о немъ? Слышали ли вы эту прекрасную народную и еще недавнюю варшавскую легенду?

Въ здѣшнемъ каѳедральномъ костелѣ св. Іоанна, около главнаго алтаря, находится «часовня Господа Іисуса» съ большимъ деревяннымъ распятіемъ, которое въ просторѣчіи именуется «Панъ Езусъ Старый».

Всѣхъ, незнающихъ объ этомъ, но интересующихся, какъ теперь мы интересуемся вообще всѣмъ старымъ, незабываемымъ и героическимъ, я отсылаю ознакомиться въ подробностяхъ къ маленькой «оранжевой» книжкѣ нѣкоего, совершенно мнѣ невѣдомаго, г. Акаёмова — «Тѣни минувшаго».

Варшавская старина изображена у него нѣсколькими шрихами — по историческимъ источникамъ и по личнымъ впечатлѣніямъ, — но изображена такъ, какъ подай Господи изобразить бы мнѣ вотъ такой-то старый городъ, какую-нибудь «Кривую» улицу, или улицу «Павлинью», или «Узкій Дунай», или «Волчью», или «Францисканскую», а то «Журавлиную», «Бонифратерскую», «Конвинкторскую»,

или вотъ этотъ тоже такой грязный, окраинный «Солецъ», который нѣкогда,—по выраженію одного наивнаго польскаго историка, — представлялъ для Варшавы «то же, что Сицилія для древняго Рима».

«Панъ Езусъ» — нюренбергской работы. Когда протестантство распространялось въ Германіи и изъ церквей стали удалять иконы и статуи, распятіе это было разломано на нѣсколько кусковъ и предназначено къ сожженію. Но какъ разъ въ это время, — повѣствуетъ варшавская легенда, — въ Нюренбергѣ находился нѣкій варшавскій обыватель Георгій Барычекъ, пріѣхавшій за товарами. Онъ подобралъ части распятія, спряталъ ихъ въ тюки съ товарами и привезъ въ

Варшаву. Легенда полна чудесъ. Самая нѣжная, самая милая изъ нихъ о томъ, какъ у «Стараго Езуса» ежегодно отрастали на головѣ волосы. Они росли и въ Нюренбергѣ до появленія «Лютерской ереси», а потомъ «засохли». Въ Варшавѣ опять стали расти, и разъ въ годъ ихъ обрѣзывала золотыми ножницами невинная дѣвица.

«Панъ Езусъ Старый» высоко чтится народомъ.

Въ доброе старое время богомольныя варшавскія дамы считали своей обязанностью посѣщать богослуженія по пятницамъ.

Въ тяжкія минуты жизни въ этой часовнѣ можно было видѣть молящагося Станислава-Августа: легкомысленный король приходилъ сюда въ сѣромъ плащѣ въ сопро-

вожденіи пажа и подолгу молился Распятому.

Передъ каждой войной «Панъ Езусъ Старый» выслушиваетъ мольбы о ниспосланіи побѣды.

Среди его многочисленныхъ «vot'ъ» я видѣлъ ордена и звѣзды отъ старопольскаго «Бѣлаго Орла» и наполеоновскаго «Почетнаго Легіона» до теперешнихъ «Станислава» и «Владиміровъ съ мечами».

Нынѣшняя война еще болѣе подняла въ народѣ почитаніе Христа «изъ Нюренберга»!

Уже разсказываютъ о чудесахъ и милостяхъ, какія источаетъ священное изображеніе...

Простой людъ увѣряетъ, будто «Панъ Езусъ» радуется побѣдѣ надъ лютеранами и призываетъ католиковъ къ мести.

Католическая церковь поддерживаетъ въ своей паствѣ такой бодрый и пламенный духъ. Проповѣдники благословляютъ молящихся на войну и сулятъ имъ за это покровительство Св. Духа...

Кстати о католицизмѣ.

На дняхъ я бесѣдовалъ на эту тему съ популярнымъ въ Варшавѣ прелатомъ о. Хельмицкимъ.

Этотъ образованный, гуманный и широкій въ политическихъ и религіозныхъ взглядахъ человѣкъ протестуетъ противъ одного только слова:

— Воинствующая! Почему такъ называютъ нашу религію?..

Я объяснилъ, какъ могъ, значеніе этого нѣсколько устарѣвшаго слова.

— «Воинствующая»—это еще не

значитъ «воюющая», но могущественная»...

О. Хельмицкій продолжалъ:

— А вотъ теперь намъ, польскимъ священникамъ, необходимо воевать!.. Я получилъ письмо отъ одного сельскаго ксендза, побывавшаго на редутахъ. Онъ восторженно отзывается о нашихъ солдатахъ и говоритъ, что присутствіе его въ рядахъ сражающихся католиковъ вызвало бы большое воодушевленіе. Подъ Млавой, Люблиномъ и Сольдау было такъ много Поляковъ, такъ много простого польскаго народа, для котораго нужны «ксендзы»! О, мы бы помогли въ дѣлѣ войны, если насъ пустятъ! Я знаю, что молодые ксендзы сгораютъ отъ нетерпѣнія служитъ при полкахъ... Надо по-

мочь имъ въ этомъ стремленіи, надо поддержать ихъ.

... Въ костелѣ св. Іоанна полумракъ, прохлада и тишина.

Изваянія рыцарей мирно спятъ на своихъ гробницахъ, закованныя въ тяжелую броню и смиренно скрестившія руки.

Со стѣнъ глядятъ на нихъ мертвенныя очи бывшихъ епископовъ варшавскихъ, прелатовъ и королевскихъ духовниковъ.

Все это когда-то сражалось.

Теперь это все успокоилось вѣчнымъ историческимъ сномъ.

Одинъ «Панъ Езусъ Старый» страдальческими глазами читаетъ начертанія стихотворнаго посланія великаго короннаго канцлера Яна Шембека, посланія трогательнаго, хотя нѣсколько и вычурнаго.

V.

Не все же битвы да побѣды, не все же телеграммы да военныя корреспонденціи, донесенія да приказы, не все кровавый кошмаръ, трескотня пулеметовъ, пушечный ревъ, «ура», стоны и проклятія...

Осень такъ хороша, такъ обманно заманчива, такъ льстиво прекрасна, что хочется часъ-другой провести въ Лазенкахъ, погулять въ золотомъ королевскомъ паркѣ, подышать бодрымъ воздухомъ октября.

... «Сонъ осенняго утра», такъ назовемъ это маленькое повѣствованіе, невольно напросившееся послѣ ряда впечатлѣній войны.

... Итакъ, въ Лазенкахъ.

И пруды, и деревья, и дворецъ хороши, легки до призрачности.

Утренній туманъ набросилъ кисею, которая подъ солнечными лучами играетъ перламутромъ стрекозиныхъ крылъ.

Лебеди важно плаваютъ у самаго берега, а спокойное стекло водъ изрѣдка разбивается всплескомъ карпа.

Тишина такая, что каждый упавшій листъ даетъ свой звукъ, и вдругъ — ровный, отчетливый топотъ ногъ, отбивающій шагъ, и чей-то тихій «уважительный» говоръ... И въ каштановой аллеѣ показываются солдаты.

Ихъ человѣкъ съ двадцать, не больше.

Въ пустынномъ очарованіи парка ихъ появленіе, ихъ шаги, ихъ го-

лоса производятъ такое впечатлѣніе, будто пришелъ цѣлый полкъ...

Какая-то команда. Остановились.

Сбѣжали къ пруду, чего-то смотрятъ въ водѣ.

И разговоры стали развязнѣе, и голоса зазвучали громче, и руками замахали.

— Баринъ, а баринъ!—окликнулъ меня одинъ.

Я подошелъ.

— А и рыбы здѣсь—бѣда! А ловить ее можно?

— Нѣтъ, нельзя.

— что жъ съ ней дѣлаютъ?

— Не знаю.

— Тутъ бы на цѣлую дивизію ухи хватило! А искупаться тоже нельзя?

— Нельзя.

— Я и говорилъ, что нельзя... А они, вишь, было хотѣли...

Солдаты засмѣялись, сѣли на травѣ по берегу. Одинъ изъ нихъ сорвалъ прутикъ и сталъ хлестать по водѣ, брызгая на товарищей.

Солнце въ это время таки прорвало туманъ и ударило по окнамъ дворца, которыя вдругъ зажглись какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ.

Это было что-то похожее на расплавленное льющееся стекло, на бѣгущую ртуть, на серебристую фату, которой игралъ вѣтеръ...

Въ этихъ окнахъ мнѣ почудились какія-то любопытныя фигуры, какія-то изумленныя лица, лица молодыя, прекрасныя, улыбающіяся, какъ и весь этотъ «сонъ осенняго утра».

Казалось, что прелестныя придворныя дамы Станислава-Августа, чьи портреты украшаютъ стѣны

королевскаго кабинета, съ любопытствомъ разглядывали пожаловавшихъ въ Лазенки загорѣлыхъ и запыленныхъ москалей.

— Патчьте, патчьте,—щебетала Потоцкая,—то правдзиви жолнеже!

— Іезусъ-Марья,—волновалась у другого окна Любомірская,—яцы они страшни!

Графиня Бирсъ, изображенная на портретѣ музой, оставила на мгновеніе свою золотую лиру и тоже побѣжала къ окну.

— Боже, то правдзиве недзвѣдзе!

Старостина Вогодовская всплеснула руками:

— Патчьте, они се розбераьонъ, они хцонъ компаць се... Ахъ, я не моге, не моге!..

И всѣ придворныя дамы воскликнули хоромъ:

— Ахъ, мы не можемы, не можемы!..

И сами еще ближе прильнули къ стекламъ и, казалось, готовы были выпрыгнуть въ самый прудъ.

И вотъ въ среднемъ окнѣ появилась какая-то важная фигура мужчины въ лазоревомъ, шитомъ серебромъ, камзолѣ съ лорнетомъ-рогулькой и также съ удивленіемъ принялась разсматривать диковинныхъ гостей.

Бывшій хозяинъ Лазенокъ, которому до сихъ поръ не было доложено о прибытіи сихъ сѣверныхъ варваровъ, видимо не зналъ, что съ ними дѣлать.

Когда-то онъ видалъ пудреные полки, въ хвостатыхъ голштинскихъ мундирахъ и въ бѣлыхъ гетрахъ, видалъ ихъ мѣдныя каски,

широкія портупеи, штуцера и тесаки, но эти сѣрые рубашечники въ фуражкахъ и смазныхъ сапогахъ наводили не него сомнѣніе: впрямь ли это русскіе солдаты?..

... Мой осенній сонъ ясенъ и добръ, какъ здѣшняя погода.

Онъ приводитъ на берегъ пруда королевскаго камердинера, одѣтаго въ богатый польскій костюмъ, съ приглашеніемъ нашихъ воиновъ во дворецъ.

— А что жъ, ребята, пойдемъ?— охотно соглашаются тѣ,—теперь мы съ ними въ союзѣ...

И вотъ ихъ вводятъ во дворецъ, и Станиславъ-Августъ милостиво бесѣдуетъ съ каждымъ, и придворныя дамы въ восторгѣ отъ этой новой шутки короля.

Солдаты чувствуютъ себя сво-

бодно, сразу сообразивъ, что имѣютъ дѣло съ важнымъ бариномъ, которому не хочется раскрыть своего званія, а потому тоже принимаются играть... Одинъ, что былъ на вранье поискуснѣй, загнулъ-таки самому королю:

— Что-жъ, это у васъ въ родѣ, какъ у татаръ?.. На одного столько—это не того...

И подмигнулъ на дамъ.

Право, у старостины Вогодовской, которая всегда смѣялась очень звонко, было такое выраженіе лица, что вотъ-вотъ она бросится солдату на шею, но, конечно, она этого не сдѣлала, а только поправила свои локоны и медленно пошла въ ту часть парка, гдѣ жили фавны.

... Мой сонъ въ осеннее утро

тѣмъ хорошъ, что хрусталь на королевскомъ столѣ чистъ и тонокъ, какъ первыя льдинки, что золото и серебро его кубковъ помѣчены пробой старыхъ лѣтъ и бѣлая скатертъ похожа на первую порошу.

Король пьетъ за здоровье русскихъ солдатъ.

Придворныя дамы смѣются такъ медово, такъ пряно...

И червонная осень, назвѣздившая лапами каштановъ по кубово-синему небу, смотритъ въ окно, какъ живая фаянсовая стѣна.

И мнѣ видится, какъ дамская свита, дабы потѣшить скучающаго короля, устраиваетъ игру въ жмурки—въ «слѣпу бабу»,—гдѣ всегда много возни, и смѣха, и писку...

И потомъ въ потемнѣвшихъ дворцовыхъ комнатахъ зажигаются

канделябры и всѣ садятся за ломберные столы, за карты, за фараонъ...

И тутъ наши солдаты понимаютъ, что играть надо съ опаской, съ осторожностью, чтобы не обидѣть важнаго хозяина, который таки плутуетъ...

Придворныя дамы давно знаютъ это и потакаютъ ему, а вотъ рядовой Иванъ Шило возроптал было:

— Нѣтъ, господинъ, такъ не годится! Это вы чего же обдувалку гнете?... Эхъ, нехорошо, ей-Богу, нехорошо!.. Мы было васъ защищать пришли, а вы между прочимъ... Нѣтъ ужъ, пожалуйста, это вы оставьте, такъ не годится!..

И разгнѣванный хозяинъ бросаетъ карты и въ нетерпѣніи

встаетъ изъ-за стола, а дамы взмываются всѣмъ своимъ кукольнымъ отрядомъ и кричатъ.

— Ахъ, мы не можемы, не можемы!..

... И весь мой атласный сонъ клубится фижмами и лентится, и кружева жабо пѣтушьими гребешками идутъ по наморшившемуся простору Лазенковскихъ прудовъ...

— Додатекъ надзвычайны! — оретъ прямо въ ухо мальчишка-газетчикъ и, не спрашивая, суетъ свѣжій листъ.

Сонъ обрывается. — Прекрасный сонъ.

VI.

Мой старый добрый другъ, баронъ Мюнхгаузенъ, едва ли бы повѣрилъ, что на дняхъ огромный

цеппелинъ очертилъ кругъ надъ самой Варшавой.

Кругъ этотъ, впрочемъ, не отличился никакой удачей, ибо смертоубійственный воздушный корабль въ самомъ непродолжительномъ времени былъ подстрѣленъ и свалился свинья-свиньей гдѣ-то подъ Новогеоргіевскомъ.

Въ Варшавѣ его ничуть не испугались и открыли такую веселую пальбу, что и представить трудно...

Баронъ Мюнхгаузенъ, служившій когда-то при Елизаветѣ Петровнѣ въ нашихъ сѣверныхъ дружинахъ и принимавшій самое дѣятельное участіе въ 7-лѣтней войнѣ подъ знаменами графа Миниха, оказался вѣдь не на шутку предшественникомъ, а то пожалуй и вдохновителемъ графа Цеппелина! Но, переле-

тая на раскаленномъ ядрѣ изъ лагеря въ лагерь, онъ, въ сущности, мало дѣлалъ кому зла, тогда какъ этотъ новый изобрѣтатель несетъ только смерть и разрушеніе...

Да, старый Мюнхгаузенъ отказался бы отъ своихъ фантазій, знай онъ, куда заведутъ онѣ человѣчество впослѣдствіи! Вѣдь вотъ онъ и на уткахъ леталъ по воздуху и, когда эти утки залетѣли къ намъ впервые въ Россію и мы впервые прочли диковинныя повѣствованія барона, имъ улыбнулись всѣ русскія дѣти. Добрый враль, думалъ ли ты, когда сидѣлъ въ варшавскомъ погребкѣ Фукера съ генераломъ Скорбуданскимъ и такъ остроумно бражничалъ, думалъ ли ты, что и утки твои успѣютъ развратиться къ теперешней войнѣ?

Онѣ обратились теперь изъ живыхъ въ телеграфныя и каждый день разносятъ самую гнусную ложь по всему міру... Полагалъ ли ты, тонкій эстетъ и баринъ, что всѣ тѣ предметы искусства, которыми ты искренно восхищался въ чужихъ земляхъ, нынѣ варварски будутъ искалѣчены и изничтожены твоимъ прусскимъ народомъ?!..

— Доннеръ ветеръ! — чистосердечно обругался бы ты за стаканомъ вина, читая инсинуаціи нѣмецкихъ газетъ противъ всего міра,—Скорбуданскій, я не буду больше пить моего любимаго Рауенталлера: онъ пахнетъ кровью!..

И, конечно, Скорбуданскій, этотъ добрый, вѣчно пьяный польскій генералъ, охотно согласился съ тобою:

— Да, мы не будемъ больше пить нѣмецкихъ винъ! Долой Раунталлеръ!..

... Я пропѣлъ тебѣ въ своемъ «Красномъ Кабачкѣ» цѣлый акаѳистъ, тебѣ и твоей святой лжи, во имя которой ты сражался такъ храбро и такъ беззавѣтно... Тамъ упоминается о нашихъ вѣковыхъ отношеніяхъ съ нѣмцами и преображенскій офицеръ даже всхлипываетъ:

— Ахъ, нѣмцы, нѣмцы!.. Много у насъ есть съ вами общаго—и дурного, и хорошаго!.. Зналъ я одного нѣмца, который разсказалъ намъ о Вертерѣ—чудесный, любовный романъ!..

... Клянусь, мнѣ стыдно теперь и за себя, и за «Кабачокъ», и за офицера!.. И Вертеръ тутъ уже совсѣмъ

не причемъ. Сладкіе стихи Гете. Ихъ элегическое журчаніе, ихъ античный паѳосъ и полубожественное величіе смѣнились теперь бездарнымъ брауншвейгскимъ маршемъ, барабаннымъ боемъ, солдатскими свистульками, трескотней ружей и пулеметовъ, ревомъ круповскихъ пушекъ.

Спи же, старый идеалистъ, разочарованный, забытый своими соотечественниками, въ далекомъ медвѣжьемъ углу ганноверскаго имѣнія. Тамъ гораздо лучше, чѣмъ въ воинствующемъ Берлинѣ. Есть, конечно, и на «Унтеръ день Линденъ» добрые люди, которые, какъ и ты, возмущены всѣмъ происходящимъ. Они поймутъ твою тоску, твое возмущеніе... Но будетъ уже поздно. Маякъ Реймскаго собора освѣтитъ

имъ кровавымъ свѣтомъ широкій горизонтъ адской войны, а ты, по старой солдатской привычкѣ, закрутишь нафабренный усъ, да скажешь:

— Доннеръ ветеръ!.. Я не хочу быть больше нѣмцемъ!..

VII.

...Въ родѣ эпиграфа—изъ Ницше:

«Когда за попойкой слѣдовало опьянѣніе и древніе германцы чуяли хоть издалека отвратительный запахъ нечистотъ всякаго рода, производимый пьянствомъ, ихъ души, обыкновенно унылыя, развеселялись, такъ какъ при этомъ въ нихъ звучали струны сродства и пониманія».

* * *

Осенняя слякоть.

Хорошо послѣ поѣздки сидѣть у камина и грѣться съ книжкой въ рукахъ, а то и мечтать...

Мечтать! О чемъ? Веселыя думы никакъ не идутъ въ голову. Фантазія только пугаетъ, а не успокаиваетъ. Глаза, уставшіе отъ дождя и вѣтра, пристально щурятся на горящіе уголья и мало-по-малу смыкаются вовсе...

...Пышный, яркій благоуханный цвѣтникъ богатымъ ковромъ раскинулся передъ помѣщичьимъ домомъ, который теперь опустошенъ врагами. Еще недавно хитрые узоры всевозможныхъ цвѣтовъ плели здѣсь настоящую шараду любви. Ажурный заборъ и трельяжи были увиты

розами и глициніями. Глодіанисы въ группахъ и георгины въ клумбахъ напоминали пестрые шатры, окаймленные выпушкой бѣлоснѣжныхъ астръ. Туберозы, похожія на жезлы добрыхъ волшебницъ, цѣлой стѣной защищали этотъ уголокъ подъ Радомомъ—и названіе этому уголку было: «Раецъ».

Было... Но послѣ августовскихъ дней слѣды возмутительнаго издѣвательства и совершенно непостижимаго звѣрства изрыли, исполосовали, измызгали этотъ ни въ чемъ неповинный цвѣтоводный оазисъ.

— Ужъ, казалось бы,—разводилъ руками опечаленный хозяинъ, — нѣмцы къ цвѣтамъ неравнодушны, а посмотрите, чего они надѣлали: клумбы дорогихъ хризантемъ скошены, олеандровыя деревья и розы

изрублены... Меня тогда дома не было, и они хозяйничали, какъ хотѣли... Прежде всего потребовали управляющаго и приказали доложить мнѣ, чтобы я ихъ вышелъ встрѣчать. Когда тотъ сказалъ, что я уѣхалъ въ Варшаву,—не повѣрили и чуть было не разстрѣляли его. Это былъ большой отрядъ уланъ изъ третьей ландверной кавалерійской бригады. Первымъ долгомъ они потребовали обѣдъ и вина. Сразу напились и принялись безчинствовать. Въ домѣ остановились офицеры, а въ людскихъ и на конюшнѣ—солдаты. Весь мой скотъ, конечно, забрали. Скосили чудесный сѣменной клеверъ. Изрыли мои цвѣтники. Заборы пошли на костры. Птицу и поросятъ перекололи. Цѣлыя сутки они только и знали, что

ѣли, пили да безобразничали... И, знаете, солдаты ихъ оказались гораздо культурнѣе офицеровъ. Вообразите, въ домѣ не осталось ни одного цѣлаго стула! Шкапы и сундуки были взломаны и оттуда выбрали все платье и все бѣлье. Не пощадили ни одного стакана, ни одной чашки. Въ комнатѣ жены разбили туалетный приборъ и какія-то пустячныя статуэтки. Да что статуэтки! Фотографіи, какія у насъ висѣли по стѣнамъ, исковеркали и сорвали, а въ альбомѣ на всѣхъ карточкахъ прокололи глаза! И, вѣдь, все это дѣлали взрослые люди, офицеры! Право, повѣрить трудно! Моя прислуга разсказываетъ, что если бы не докторъ, который былъ съ ними, такъ они бы еще не того надѣлали!.. На

письменномъ столѣ у себя я нашелъ двѣ визитныя карточки: «Майоръ Фогель фонъ-Фогельштейнъ» и «Лейтенантъ Гансъ Гильдебрандтъ». Въ гостинной и въ столовой на столѣ они оставили еще и другіе слѣды, о которыхъ говорить неудобно... Собрались они внезапно, потому что ихъ напугали казаками. «Ждите насъ, мы еще вернемся къ вамъ», сказалъ лейтенантъ управляющему... Ну, что же, будемъ ждать!

Бѣдный «Раецъ» выглядитъ теперь необыкновенно жалостно. На розовыхъ кустахъ, сваленныхъ въ кучу, кое-гдѣ еще распустились блѣдно-палевыя и блѣдно-розовыя красавицы. Право, у нихъ такой виноватый видъ, будто имъ стыдно, что онѣ не искололи извергов своими шипами...

А вотъ пчелы, тѣ дѣйствительно отомстили Нѣмцамъ. У хозяина «Райца» имѣлся образцовый пчельникъ. Нѣмцы, какъ извѣстно, большіе охотники до меду, и пчеловодство у нихъ превосходное. Надо же было такъ ошалѣть, чтобы вмѣсто самаго обыкновеннаго доставанія сотъ рубить улья саблями, хватать оттуда голыми руками цѣлыя формы и пожирать медъ вмѣстѣ съ вощиной. Всѣ лица и руки у пьяныхъ Пруссаковъ были искусаны пчелами—къ величайшему удовольствію хлоповъ, которые покатывались со смѣху:

— О, такъ, такъ! Грызьце ихъ, грызьце!..

* * *

Радомъ теперь давно свободенъ отъ незванныхъ гостей. Они по-

были тутъ недолго и никакого особеннаго переполоха не произвели. Настроеніе у нихъ было подавленное и тревожное. Если бы не винные погреба, которые они разнесли вдребезги, такъ и совсѣмъ бы прокисли. Но пьянство въ Радомѣ шло веліе, чему доказательствомъ служатъ тѣ же, что и въ цвѣтущемъ «Райцѣ», неизмѣримыя издѣвательства.

Изъ правительственныхъ зданій Пруссаки почему-то облюбовали окружный судъ и классическую гимназію. Въ первомъ они перековеркали всю мебель, разнесли кабинетъ прокурора.

Во второй они изрубили парты, уничтожили физическій кабинетъ и всѣ коллекціи; въ квартирѣ директора надѣлали всякихъ гадостей,

утащили бѣлье, шубы и, вѣроятно на память о столь доблестномъ дѣлѣ, отрѣзали свѣтлыя пуговицы отъ форменнаго директорскаго пальто!..

Но больше всего пострадала гимназическая церковь.

Дикіе гунны стали тамъ на постой.

Возмутительную картину увидали набожные радомяне, когда заглянули въ храмъ Божій послѣ ухода варваровъ. Царскія врата были открыты, завѣса изодрана, престолъ перевернутъ, плащаница скомкана и брошена въ уголъ, на солеѣ стояли бутылки, всѣ церковныя кружки взломаны и по всей церкви разбросаны охапки сѣна и соломы...

И все-таки, несмотря на весь ужасъ пережитыхъ черныхъ дней, добродушные радомяне говорятъ:

— Солдаты лучше, чѣмъ офицеры!.. Они пакостили, да не такъ... Вотъ и въ кондитерскихъ солдаты платили, а офицеры никогда и нигдѣ...

Что же за люди эти побѣдныя головушки въ лакированныхъ и плоскихъ, какъ «разумъ ихъ, каскахъ»?.. Гдѣ же эта хваленая «нѣмецкая культура», гуманизмъ, великодушіе и царственный жестъ...

Волчья сыть— и только...

... Нѣтъ, не мечтается что-то сегодня у камина!.. Ницше выпадаетъ изъ рукъ... И мучительно завязли въ памяти эти фотографіи съ проколотыми глазами!..

VIII.

Король молится.

Ченстоховская святыня допустила его, вѣрнаго слугу католической церкви, баварскаго короля Людвига, въ свою разрушенную, оскверненную ограду, и онъ присутствовалъ даже на богослуженіи въ знаменитомъ Святогорскомъ монастырѣ, бесѣдовалъ съ монахами и разспрашивалъ ихъ объ исторіи монастыря. По слухамъ, король Людвигъ принялъ на себя командованіе надъ сосредоточенными въ ченстоховскомъ районѣ непріятельскими войсками, ободрилъ населеніе и, пока что, уѣхалъ въ Берлинъ.

* * *

«Король разспрашивалъ у польскихъ монаховъ исторію монастыря», ну, развѣ это не трогательно?..

Интересно, что отвѣтили ему монахи, какимъ Эзоповымъ языкомъ объяснили они ему, что каждый шагъ вокругъ этого историческаго монастыря орошенъ нѣмецкой кровью, что кромѣ этихъ славныхъ, почти легендарныхъ по смѣлости и удачѣ боевъ, Ченстоховъ не имѣетъ за собою другихъ отличій...

Вѣдь не о Мацохѣ же бесѣдовали хитроумные отцы съ любознательнымъ королемъ?..

Король молится.

Конечно, послѣ всего услышаннаго, ему слѣдовало помолиться о

дарованіи германцамъ побѣды, но въ томъ-то и дѣло, что молился онъ не послѣ разговора, а до... Побесѣдовавъ съ монахами, коронованный командующій былъ очень сдержанъ, очень холоденъ и поспѣшно уѣхалъ во-свояси.

Не менѣе его были смущены и монахи. Ихъ исторіографія, очевидно, не понравилась. Но они могли бы рекомендовать своему высокому гостю посмотрѣть патріотическую польскую пьесу «Оборона Ченстохова», которая съ такимъ постояннымъ успѣхомъ идетъ на варшавской сценѣ. Тамъ патріотическія чувства религіозной Польши преподаны со всей откровенностью народной. Впрочемъ, король и безъ того надулся, король нахмурился, король удалился.

Онъ молится.

Въ Ченстоховѣ, который давно остался позади его поѣзда, смущенно вздохнули послѣ его отъѣзда множество душъ и подумали съ Мицкевичемъ:

Что-то будетъ,
Что-то будетъ?..

... Осенніе туманы, окутывающіе по ночамъ монастырь, насыщены кровавымъ токомъ. Вмѣсто переклички часовыхъ чудятся стоны раненыхъ и истязуемыхъ ченстоховцевъ... Недавняя буря спѣла здѣсь такой страшный, такой стихійный «Реквіемъ», что смутила даже чугунныя прусскія сердца.

Король молится.

Ему ли, королю католическому, выученнику іезуитовъ, не помолиться

теперь о тѣхъ, кто муками своими миновалъ адскихъ вратъ и передъ кѣмъ уже открыты врата райскія. Въ крѣпостныхъ казематахъ, сырыхъ и темныхъ, по всѣмъ угламъ и «мѣшкамъ» молятся о единой Польшѣ народные страдальцы. Ангелы на небѣ поютъ имъ обѣдню. Прокислый воздухъ тюрьмы слаще имъ кадильнаго благоуханія и гнилая солома мягче пуховиковъ. Ежедневно причащаются они хлѣбомъ и водою и лязгъ стальныхъ наручниковъ замѣняетъ имъ пѣвучій колокольчикъ церковнаго служки.

Король молится.

Не спокойно, охъ, не спокойно въ этомъ старомъ Ченстоховѣ! Его величеству доложили о ежедневныхъ кровавыхъ экзекуціяхъ надъ горожанами, призванными на крѣ-

постныя работы. Руками добрыхъ поляковъ вырыты эти рвы и насыпаны эти валы. И вотъ, боясь измѣны, пруссаки безъ дальнихъ разсужденій разстрѣливаютъ беззащитныхъ работниковъ. Благочестивый король-іезуитъ, конечно, освѣдомленъ и объ этомъ и со слезами на глазахъ молится онъ въ своемъ бархатномъ купе о ниспосланіи мира въ мятежныя души ченстоховцевъ. Онъ трусить минъ, которыя замуравлены въ траншеяхъ и приготовлены для русскихъ, а могутъ взорваться и подъ королевскими войсками. Вѣдь для этого стоитъ только шепнуть на ушко тому-то и тому, и тогда весь чертовскій планъ германцевъ полетитъ вверхъ тормашками...

* * *

Тихо всюду,
Глухо всюду...

Въ Варшавѣ превосходно освѣдомлены обо всемъ, что творится въ Ченстоховѣ, если только можно назвать *творчествомъ* такую угнетенную, придавленную, задушенную жизнь. Диву даешься, какъ прытка нѣмецкая фантазія, давно завоевавшая Петроградъ и разгромившая полъ-Россіи. Эти «сенсаціонныя» извѣстія предназначаются для того, чтобы «дѣлать веселье» въ Ченстоховѣ. Но не сладко горожанамъ отъ такого угощенія, и трагическая хмара облегаетъ жизнь городка желѣзнымъ кольцомъ осады. Никакой духъ не блеститъ въ

этомъ подневольномъ прозябанiи, и только громадная вѣра въ «Королеву Небесъ» обращаетъ тысячи глазъ къ золотому костельному кресту, блещущему въ высокомъ небѣ:

«Подъ Твою защиту прибѣгаемъ»...

Король молится.

ГОФМАНЪ.

(Посвящается Вас. И. Немировичу-Данченко).

Лавка называлась «Эксцельсіоръ» и принадлежала вдовѣ Галинѣ Бочковской.

Она помѣщалась — лавка, а не вдова,—на самой людной улицѣ самаго безлюднаго городишки Г—ка въ окрестностяхъ Варшавы. Дверь на «американской» пружинѣ, одно окно, освѣщаемое по вечерамъ «чу-

до-лампой», и синяя съ золотыми буквами вывѣска, которую еще недавно обновилъ за долгъ мѣстный художникъ, — такова была внѣшность «Эксцельсіора».

Вдова Бочковская, прозванная за свой придирчивый, пакостный нравъ «ендзой», вполнѣ отвѣчала своимъ обликомъ подобной кличкѣ. Это была тощая, суетливая и крикливая женщина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, необыкновенно зябкая, чѣмъ объяснялось ея кутанье въ платки и шали; вѣчно раздраженная, о чемъ свидѣтельствовалъ грохотъ кухонной посуды за перегородкой и ревъ подручной дѣвчонки; нестерпимо язвительная и безпощадная съ должниками, которыми вѣдалъ «поконтный» адвокатъ панъ Балтазаръ Дзюбальскій, но-

сившій исполнительные листы на сихъ несчастныхъ за пазухой своего, какъ гіена, пятнистаго сюртука. Бочковская отлично знала, что всѣ покупатели ненавидѣли ее, слыхала и про «ендзу», но, не имѣя конкурренціи, наслаждалась могуществомъ своимъ и все крѣпче и крѣпче прижимала бѣдняковъ...

«Эксцельсіоръ» за разнообразіе продуктовъ могъ бы вполнѣ называться универсальнымъ магазиномъ. Въ самомъ дѣлѣ: чего-чего тутъ только не было: и мука, и колбаса, и сахаръ, и кофе, и матеріи, и сапоги, и духи, и кнуты, и сало, и конфеты, и гуттаперчевыя соски, и керосинъ, и бинты для усовъ, и краски, и мыло, и варшавскія газеты, и зубныя капли и даже одинъ велосипедъ!...

Вдова торговала на славу, составила изрядный капиталецъ и была предметомъ брачныхъ вожделѣній многихъ голодныхъ шляхтичей. Но она, — по собственному выраженію ея, — отдала сердце Господу Богу и осталась недоступной для исканій. Черствая, какъ корка хлѣба, и колючая, какъ репейникъ, пани Галина никогда не знала любви, ибо покойный мужъ ея, солидный лавочникъ, женился на ней исключительно изъ практическихъ соображеній: «вѣдь некрасивая жена не убѣжитъ и хозяйствомъ будетъ заниматься лучше красивыхъ»... Бочковская, впрочемъ, не считала себя дурной и по воскресеньямъ, когда отправлялась къ обѣднѣ, подолгу проводила передъ зеркаломъ:

— Они же, дурни, еще не знають, какая я бѣдовая! — думала вдова и тонко ухмылялась.

* * *

Единственнымъ представителемъ сильнаго пола въ «Эксцельсіорѣ» былъ котенокъ, котораго звали Гофманомъ.

Такая странная кличка осталась за нимъ по весьма необыкновеннымъ обстоятельствамъ. Въ числѣ должниковъ лютой лавочницы былъ нѣкій Гофманъ, «инструменталистъ и настройщикъ», какъ значилось на его дверяхъ. Какіе инструменты онъ дѣлалъ въ Г—кѣ и какіе настраивалъ — неизвѣстно, но бѣдность скоро выгнала его за двери вмѣстѣ съ узелкомъ тряпья и съ

сѣрымъ котенкомъ. Гофманъ рѣшилъ искать счастья въ другомъ городѣ, но дрожалъ передъ Бочковской, которая зорко слѣдила за нимъ. И все-таки онъ бѣжалъ, а тряпье и котенка ловко подкинулъ къ дверямъ «Эксцельсіора»... въ уплату своего долга. Негодованію вдовы не было предѣловъ, когда въ оставленной запискѣ она прочла, что вмѣсто сорока рублей ей достались дырявые штаны и голодный звѣрекъ. Штаны мигомъ полетѣли въ печку, а котенку была уготована помойная яма, но...

...Но не тутъ-то было!

Однимъ прыжкомъ котенокъ вскочилъ на прилавокъ, потомъ на одну полку, потомъ на другую, на третью, забрался на карнизъ шкафа и сталъ выгляды-

вать оттуда, беззвучно мяуча. Вдова мигомъ вооружилась метлой и стала его сгонять, причемъ уронила банку съ карамелью и разбила фарфоровый чайникъ. Въ злобѣ она ударила по бутылкѣ съ денатурированнымъ спиртомъ и окатила имъ пана Дзюбальскаго, который тоже вздумалъ было помогать...

— Погоди... погоди, шельма! — скрежетала Бочковская, грозя котенку и задѣвая метлой все, кромѣ него.

...Пострадалъ о-де-колонъ, упала колбаса, керосинъ подмочилъ муку, а ловкій хищникъ бѣгалъ по карнизу и не думалъ спускаться ниже. Въ его поимкѣ приняли участіе и нѣсколько покупателей, но мало помогли. Кто-то изловчился и опро-

кинулъ деревянное масло. Кто-то угодилъ вдовѣ сапогомъ по головѣ. Кто-то попалъ рукой въ сметану...

— А ну васъ, уходите... Я одна... я сама! — кричала пани Галина, выпроваживая всѣхъ и снова принимаясь за работу.

Котенокъ, выпачкавшійся въ чемъ-то сладкомъ, вывалявшійся въ мукѣ, отвѣдавшій и керосина и сметаны, перемѣнилъ позицію и раза два соскакивалъ на прилавокъ и на окно, за которымъ собралась изрядная куча досужихъ зѣвакъ.

Метла достала его какъ разъ въ то время, когда онъ готовился сдѣлать рѣзкій перелетъ на «чудолампу», и учинила тѣмъ на подоконникѣ настоящій погромъ. Всѣ флаконы, банки, куклы и мячики посыпались вокругъ котенка, и

самъ онъ выскочилъ оттуда, какъ ошалѣлый.

— Іезусъ-Марія! — крестилась напуганная Бочковская: — быть можетъ, это самъ дьяволъ?!.

Она на минуту сѣла передохнуть, облокотилась на метлу и стала думать:

— Навѣрное, дьяволъ!.. Это за то, что я такъ нехорошо съ Гофманомъ поступила... Онъ былъ бѣдный человѣкъ, но честный... Онъ убѣжалъ, но все-таки отдалъ мнѣ послѣдніе штаны и котенка, а я... Ахъ, бѣдный, бѣдный Гофманъ!

И она неожиданно стала плакать—не то отъ злости, не то отъ усталости, а, быть можетъ, и отъ жалости, — но только нѣсколько разъ она утирала передникомъ носъ и повторяла:

— Ахъ, Гофманъ, Гофманъ!..

Отдыхала она — отдыхалъ и котенокъ.

Онъ сидѣлъ на шкафу, искоса поглядывая на вдову, наблюдалъ ее, облизывался и вдругъ сталъ осторожно спускаться внизъ, легко спрыгнулъ на полъ и подползъ къ пани Галинѣ.

— Мяу!—услышала она у своихъ ногъ и даже вздрогнула.

...Въ немъ ничего не было страшнаго—ничего, и дьявольское навожденіе менѣе всего могло вселиться въ эту тщедушную фигурку. Маленькій, щупленькій и несчастный, онъ теперь дрожалъ и жалко мяукалъ.

— У-у, проклятый! — обругалась Бочковская, но не такъ уже сердито, взяла котенка за шиворотъ и понесла на кухню.

Даровые зрители за окномъ кричали:

— Поймала, поймала!.. Сейчасъ жечь будетъ!..

Но сверхъ всякаго ожиданія вдова только швырнула свою жертву въ уголъ и приказала дѣвчонкѣ:

— Дай ему молока и вымой его!

И вотъ котенокъ, чистый и наѣвшійся, развалился у печи и важно заснулъ.

Бочковская, взявшись за скулы, покачала головой, пощелкала языкомъ и подумала вслухъ:

— Оставить его, что ли? Можетъ, и счастье принесетъ? Вѣдь... изъ-подъ метлы...

— А какъ звать его? — обрадовалась дѣвчонка.

— Звать?.. звать... э-э... Гофманъ подкинулъ... Гофманомъ и зови!..

И сталъ котъ Гофманъ жить у вдовы Галины Бочковской. И «ендза» такъ привязалась къ нему, такъ полюбила, что онъ сталъ первымъ лицомъ въ лавкѣ, и самъ панъ Дзюбальскій заискивалъ въ немъ.

Гофманъ спалъ съ хозяйкой и только время отъ времени отправлялся «на песочекъ» или на охоту за крысами, а днемъ лежалъ на прилавкѣ, около вѣсовъ, и отлично зналъ, какъ вдова обвѣшивала покупателей. Въ одинъ годъ онъ сдѣлался такой жирный, блестящій и важный, что походилъ на тигра При первомъ появленіи дурныхъ инстинктовъ Гофманъ былъ подвергнутъ извѣстной операціи, причемъ вдова рыдала надъ нимъ цѣлую недѣлю. Зато котъ навсегда остался при домѣ, и заигрывав-

шія съ нимъ сосѣдскія кошки вызывали у него только брезгливую мину...

...Надъ городомъ Г—комъ разразилось несчастье. Не буря, не градъ, не повѣтріе — войну нанесло на него, кровавую, страшную войну, подобной которой еще не бывало. И вотъ въ какой-нибудь одинъ день не стало мѣста. Пожаръ, погромъ, насиліе принесли съ собою проклятые нѣмцы. Жители бѣжали въ паникѣ. Одна вдова Бочковская, неизвѣстно ради какихъ соображеній, осталась въ городѣ.

— Съ ума сошла наша ендза! — говорили бѣженцы.

Но вдова-таки дождалась враговъ и ее «Эксцельсіоръ» былъ ограбленъ дочиста. Хлѣбъ, масло, сметану, колбасу, медъ — все забрали

солдаты. Стали ѣсть, пить и вдругъ всѣ попадали въ судорогахъ...

— Ядъ! ядъ—кричали нѣмцы.

— Вѣдьма отравила насъ... Убейте вѣдьму!..

Бочковскую притащили изъ кухни за волосы, били, истязали и наконецъ прикончили тесакомъ по головѣ... «Ендза» по-геройски отдала свою народную душу Богу, которому при жизни посвятила только черствое сердце...

«Эксцельсіоръ» сгорѣлъ вмѣстѣ съ ея тѣломъ, а солдаты тѣмъ временемъ пытали дѣвчонку, какимъ ядомъ отравила ихъ лавочница. Но откуда могла знать та, а если и знала, то не умѣла, какъ отвѣтить. Она только громко хныкала и хваталась рукой за пазуху, гдѣ былъ спрятанъ Гофманъ. Одинъ неуклю-

жій солдатъ хотѣлъ было тутъ же облапить ее и уже схватилъ, но въ это время изъ-за пазухи выскочилъ котъ, и здоровый дѣтина отпрыгнулъ, крѣпко выругавшись.

— О, чтобъ тебя! Кто это?

— Гофманъ.

— Кто-о?

— Гофманъ.

Солдаты захохотали.

Унтеръ-офицеру это, однако, не понравилось. Онъ велѣлъ прогнать дѣвчонку и поймать Гофмана.

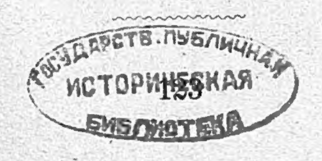
— Что за безобразіе! Какъ котъ можетъ называться Hofmann?..

Солдаты кинулись ловить и дѣвчонку, и кота: первая досталась-таки неуклюжему, а второго заграбасталъ маленькій рыжій, самъ на кота похожій, рядовой, и при всѣхъ учинилъ гнусную расправу... Онъ

зажалъ Гофмана между колѣнъ, открылъ зубами перочинный ножъ и выковырялъ коту оба глаза.

...Гофманъ, одноименникъ чудеснаго нѣмецкаго сказочника, отчаянно визжалъ и замолкъ, когда ножикъ досталъ его хитрый мозгъ... Чудесныя сказки Мурра о крысиномъ королѣ, усатомъ, какъ самъ Вильгельмъ, о крысиной королевѣ, народившей крысенятъ высокой крови, о Коппеліусѣ, въ комъ какъ не признать самого Цеппелина, и о многихъ усатыхъ и полосатыхъ нѣмцахъ, кончились на тоненькомъ «мяу», съ которымъ началась и оборвалась эта счастливая случайная судьба у вдовы Галины Бочковской, у «ендзы».

Зато нѣмцы побѣдили!

Цѣна 50 коп.